

Я не выдержал и протиснулся посмотреть. На сундуке лежало... не знаю, что и лежало на сундуке. Лежали плоские кофта и валенки, как на картине супрематиста, из кофты торчали тёмные, сморщенные или даже как будто обугленные остатки чего-то... нет, я отвернулся. Мимолётно отметил, что икона осталась одна, в углу, а на полках — только огрызки свечей; художник добавил бы в эту трагическую картину всё тлевшую лампадку как символ вечного оптимизма, но, к сожалению, лампадка перед иконой уже не тлела.

— Живём как-то не по уму...

— Что делать-то?..

— Милицию ждём...

— Надо сундук посмотреть, может, там клад...

— Смотри... Ты мумию поднимать будешь?

— И куда её деть-то?..

— В сундук положить и вынесем...

— Да ты что! Грешно.

— Надо что-то думать... Ну, народ.

— Ладно, в Африке ещё и не то бывает — читай прессу!

— Так там без креста!

Я вытиснулся из «народа», спустился вниз, отряхиваясь в лифте от побелки и пыли, испытывая мимолётное чувство скорби, мимолётно подумал о «дураках»: «О чём дураки-то думали, оставляя старушку?». Но факт мумии был сильнее всяческих размышлений, это был уже исторический факт.

Помню, что мужчина вышел на улицу и увидел Москву другой. Какой? Не той.

Тут из нового окружающего пространства подсеменя к подъезду старый, известный мне почтальон и, занятый мумией в голове, я даже не успел удивиться тому, что почтальон этот до сих пор жив и работает. Как и всегда, придерживая набитую сумку, тянувшую к земле, он бормотал: «Срочная телеграмма, молния в третий подъезд...».

«Почтальон?.. — подумал мужчина. — Не к бабушке ли? Комедия... Но так и бывает: всё всегда к одному».

Мужчина зажал газету под мышкой, зачем-то отрыв портфель и тут же закрыл его. Постоял. Десять минут спустя из подъезда выскочил почтальон и радостно — психически ненормально — скороговоркой заголосил, удаляясь по переулку: «А бабушку-то забыли!.. А бабушку-то забыли!..».

В тот вечер мужчина в шляпе напился, переходя из одного питейного заведения в другое. Белый куб кружился в его сознании, почтальон, телеграмма, мумия... — но всё мимолётно. В последнем, довольно приличном весёлом баре где-то в центре Москвы, в районе Арбата, склонившись над рюмкой, мужчина горестно, пьяно и поэтому с оттенком анекдотичности произнёс как поэт: «А бабушку-то забыли!..».

На эти пустые, ничего не значащие для посторонних людей слова никто бы не обратил внимания, если бы не возник резонанс, свойственный для России: колебания души помноженные на произнесённое слово и на выпитое спиртное: посетитель в малиновом пиджаке (это были, как помнится, девяностые годы), с золотой цепью на шее сидевший за барной стойкой с горечью констатировал:

— А ведь ты, мужик, прав, бабушку-то забыли...

И, крутнувшись на барном стуле, процедил в зал полный, кажется, ни в чём не повинных людей:

— Ну, что, уроды?.. Совсем страх потеряли?..

Достал из-за пояса пистолет и выстрелил в потолок...

Впрочем, всё это мимолётно и, кажется, не про меня лично.

Владимир Бабрашев родился 11 декабря 1948 года в маленьком селе Уйтушкен на Алтае. Первые его стихи появились на страницах газеты «Алтайдын Чолмоны» в школьные годы. Он любил поэзию А.С. Пушкина, С.А. Есенина, Н.М. Рубцова. Жил вдохновением всегда: и когда учился

Владимир БАБРАШЕВ

«В том краю, где пенится трава...»

Перевёл с алтайского Николай ПЕРЕЯСЛОВ

* * *

Ничем земля не славится моя:
Леса, вершины — всей-то красоты!
Кто населяет здешние края? —
Берёзки, сосны, травы да кусты.

Всё серо глазу. Праздника не жди.
Вершины, тропки, лес — одно и то ж.
То дуют вьюги. То идут дожди...
Но как же сердцу этот мир хорош!

Земля моя! Ну кто ещё, скажи,
Тебя полюбит сердцем, не тая?..
Вершины, тропки, лес... Чиж, стрижи...
Край ненаглядный! Родина моя!

* * *

Над той долиной ветер постоянный.
Зима длинна.
И холод там бесснежный.
И там живёт народ немного странный,
Зато — безгрешный,
К своим семьям нежный.

Вокруг — худые бледные берёзы,
Что, как девчонки,

чуть не замерзают,
Когда в чулочках по снегам порхают...
На них посмотришь — и скупые слёзы
Из глаз на щёки сами вытекают.

Там, на хребтах, продутых ветром древним,
Взмывают кедры над высокой кручей.
Увы, не всем отпущено деревьям
Расти над миром, споря с грозной тучей.

С горы по склону пронесусь вприпрыжку,
Вспугну в малине сладкоежку-мишку,
Чуть не сверну
Среди камней лодыжку,
И за рекой устрою передышку...

Пока не село солнце вдальке,
От всех скрывая долгую истому,
Я перейду долину налегке
И подойду к родительскому дому.

И засмеюсь — я дома! я пришёл!
И я заплачу, что я снова вижу —
Родную землю, улицу и крышу,
Где в дни былые я друзей нашёл...
И я вздохну.
О как же хорошо!..

* * *

На этом свете — что скрывать? —
Я был не очень-то послушен.
Не стану страстность отрицать,
Был к женщинам неравнодушен.

Судьба поэта

в Горно-Алтайском педучилище на физкультурном отделении, и когда был табунщиком, строителем, трактористом, заведующим сельским клубом. Этот путь поиска своей судьбы в те годы проходили все сельские юноши.

Вырвавшись из деревни, Бабрашев стал работать корреспондентом областной газеты «Алтайдын Чолмоны», и ему посчастливилось несколько месяцев жить в семье поэта Лазаря Кокышева. По его наставлению в 1973 году Владимир поступил в Литературный институт им. А.М. Горького. Он выбрал творческую мастерскую поэта Егора Исаева и начал готовить свою первую книгу, рукопись которой, к сожалению, очень долго держали в издательстве. Первый сборник стихов Владимира Бабрашева вышел только в 1998 году благодаря

стараниям младшего брата Эдуарда, потому что самого Владимира уже не было... Сборник обозначил новый уровень в развитии алтайской литературы — пришёл новый автор, удивительно сочетающий подлинное народное слово и интеллектуальную образованность. Высокий уровень и утончённый дух русской классики придали стихам Бабрашева ярко-лирическую проникновенность и своеобразную музыкальную тональность.

Невозможно представить, сколько бы он ещё написал, но жизнь поэта оказалась трагически короткой. Он ушёл от нас в 1977 году, но его поэзия продолжает жить и сегодня, и к читателям выходят лучшие из его стихотворений, переведённые на русский язык московским поэтом Николаем Переясловым.

На этом свете — я не вру! —
Жил и мучительно, и гордо.
Меня и славили в миру,
И хаяли, и били в морду.

Я всяким был — а как не быть? —
Был молчаливым, был болтливым.
О горе мог на миг забыть.
Смеяться мог и мог любить.
Но главное — я был счастливым!

* * *

Если б люди ко мне заглянули во двор
И, случайно увидев мой гаснущий взор,
Посчитали б, что я, словно солнце меж гор,
Угасаю, закончив с судьбой разговор.

Я побыл в Онгуде, и сердце моё,
Встретив девушку, тут же влюбилось в неё.
Хоть давно я живу в Уйтушкене, душа —
Онгудай вспоминает теперь, не дыша.

У неё была дивная, круглая грудь!
Я шептал ей: «Подольше со мною побудь!»
Так хотелось к груди её крепче прильнуть!
«Не забудь, — я себе говорил, — в этом суть!»

Мог ли знать я, что будут потом все друзья,
Говорить, что счастливей всех сделался — я?
Что уста у неё — ароматны, как мёд,
А сама она — птицы крылатой полёт!..

Жалоба молодого классика

До самой смерти надо мною будет
Нужда в еде, воде, одежде, сне.
Не назовут меня ленивым люди —
За всё берусь я, всё течёт ко мне.

Но почему-то всё летит на землю,
И я роняю вещи на лугу.
Я вижу всё, всё слышу, всем я внемлю,
Но ничего доделать не могу!

И по ночам дела мои мне снятся,
От суеты кружится голова.
Всё не решу я, чем мне заниматься —
Писать стихи или колоть дрова?

Соседи смотрят молча с укоризной:
То ли во сне я, то ли — наяву?
Не для себя тружусь, не для Отчизны.
Сам виноват, что плохо я живу.

И я твержу — кончай свою дремоту.
Давно пора к делам уж приступить.
Я знаю — надо браться за работу.
Учиться надо.
И учиться — жить.

О гитаре

По струнам сколько пальцами не бей —
Но не родить мне песен, извлекая.
Я бы хотел играть, как друг на ней,
На звуки струн землячек привлекая.

Чтоб успокоить боль в своей груди,
Ищу я слово сладостней нектара.
Но только бочкой ржавою гудит
В моих руках красавица гитара.

Когда бы ею я владел всегда,
Девчонкам был бы повод улыбнуться.
Они бы сразу все пришли сюда,
Чтоб гитаристу тут же пригласиться!

В моих бы струнах пели соловьи,
Струясь девчатам в грудь истомой сладкой.
Ну а друзья — все сверстники мои —
Мою гитару тискали б украдкой...

* * *

Как торопливый конь, который рвётся
Сорвать узду, взмывая на бегу,
Так лодка с ветром и волнами бьётся,
Стремясь к лесам на дальнем берегу.

А ветер гонит, гонит ей навстречу
Отряды волн, таранящие борт,
Мешая лодке плыть вперёд, переча
И закрывая
В заводь вход, как в порт.

Толкут друг друга крепкими боками,
В том познавая суть явления — быть,
То ль друг за другом, то ль — за облаками,
Спеша быстрее к берегу доплыть.

А я смотрю на них, и так ничтожно
Во мне томленье чувства моего.
В душе темно, и тайно, и тревожно.
И грудь сжимает болью... Отчего?